

Трактат Цицерона «Об обязанностях» и проблема его рецепции в педагогическом наследии XVI века

Полякова М.А.

Как удачно в свое время заметил А.-И. Марру, «...наши взгляды на человека, мир и жизнь непрерывно меняются, в истории нет такой темы, к которой не нужно было бы возвращаться время от времени»¹ и это в первую очередь относится именно к греко-римскому миру и тому необъятному общекультурному наследию (включая его педагогический компонент), которое он после себя оставил. Среди античных авторов, чьи работы и высказанные в них идеи сохраняют свою актуальность, Марк Туллий Цицерон (106–43), без сомнения, занимает особое место. Это обусловлено не только его активной общественной позицией, практикой политической жизни и красотой литературного стиля, но и тому положению, которое римский оратор и философ сам себе обеспечил и на протяжении жизни и карьеры тщательно поддерживал.

Интерес к Цицерону появился уже у его современников, ведь он оттачивал свое ораторское искусство в обвинительных (так называемых — катилинариях²) и судебных (к примеру, речь «В защиту поэта Архия», 62 г. до н. э.) речах, одновременно исполняя сознательно принятую на себя роль «культуртрегера»³. Следует отметить, что история распорядилась иначе и признала за сочинениями Цицерона гораздо более важное значение, чем он сам себе замыслил — в них искали и ищут ответы на ряд жизненно важных вопросов: от проблем семейных отношений до категорий философского порядка. Но прежде всего римский деятель снискал расположение ближайших (по времени) своих потомков и последователей именно в во-

¹ Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. — С. 8.

² Катилинарии (лат. *Orationes in Catilinam*, *Речи против Катилины*) — речи (всего четыре), произнесенные в ноябре-декабре 63 г. до н. э. в Римском сенате Цицероном (в должности консула) против Катилины, при подавлении заговора последнего. Сохранились в обработке автора.

³ Идеи эстетического воспитания: антология в двух томах. Том первый: Античность, средние века, Возрождение. — М.: Искусство, 1973. — С. 169.

просах литературного стиля и публичного красноречия. К примеру, римский ритор Марк Фабий Квинтилиан (35–96) говорил, что «...чем более тебе будет нравиться Цицерон, тем более можешь ты быть уверен в успешности твоего учения» и, начиная со второго столетия н. э., Цицерон становится «признанным главой римской литературы»¹.

Феномен римского оратора знаменателен еще и тем, что со времен поздней Римской империи этический компонент его сочинений стал привлекать идеологов христианства. Неслучайно епископ Амвросий Медиоланский (340–397), крестивший в 387 году Аврелия Августина (354–430), в своем наиболее известном произведении «*De officiis ministrorum*» настолько близко следует трактату Цицерона «Об обязанностях» (*De officiis*), что скорее можно говорить не о подражании, а о переложении этого труда для нужд христианского воздействия, причем на примерах священной истории взамен цicerоновых образцов истории римской². Августин сам приписывал часть заслуги своего обращения в христианство чтению апологии философии, содержащейся в «Гортензии» (*Hortensius*) Цицерона³, а трактовка им одного из ключевых понятий, введенного в оборот римским оратором — *humanitas*, в сущности, является рассмотрением его (понятия) через призму боговоплощения Христа, но никак не противоречит античному (цицероновскому) видению⁴.

Августин не только впитал в себя греко-римскую культуру, но и стал ее проводником в качестве учителя риторики. В тоже время, он углубил античную философию за счет библейских традиций и теологии первых христиан. В этой связи его можно считать популяризатором идей Цицерона, который, как отмечалось, играл аналогичную роль в отношении «внедрения» в римское общество образцов греческого наследия. Возможно, именно следование Авгу-

¹ Зелинский Ф. Ф. Цицерон в истории европейской культуры // в кн.: Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Т. 1. — СПб.: изд. А. Я. Либерман, 1901. С. XXIII-LVIII. — С. XXVIII-XXIX.

² Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // В кн.: Марк Туллий Цицерон. О старости, О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 165.

³ Гринцер Н. П. Римский профиль греческой философии // в кн.: Марк Туллий Цицерон. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков. — М.: РГГУ, 2000. — С. 10.

⁴ Подробнее см.: Oniga R. L'idea latina di HUMANITAS // In: Contro la post-religione: per un nuovo umanesimo cristiano. — Verona, 2009.; Полякова М. А. К вопросу о педагогической интерпретации концепта *humanitas* // Alma mater: Вестник высшей школы. — 2014, № 4. С. 99–102.

стина стандартам логической и этической мудрости величайшего римского оратора предопределило популярность Цицерона и многих из его идей (а не только стиля) в христианской Европе, вплоть до эпохи Просвещения (в сочинениях Вольтера, к примеру).

Несмотря на явное признание этического содержания в наследии римского оратора, Н.П. Гринцер отмечает, что в мировой историографии «Цицерон — ритор» всегда затмевал «Цицерона — философа», а что касается его (Цицерона) роли в политической жизни Рима, то здесь оценки историков расходятся довольно широко: от придания ему «образа яростного борца за устои Римской республики» до определения «политическим интриганом без твердых убеждений» (Т. Моммзен)¹. Однако ни один критик Цицерона не мог отказать ему в уме, высокой образованности и, даже если его «популяризаторство» в области греческой литературы ставилось ему в укор, приходилось признать, что никто в древнем Риме не достиг большего в вопросе приобщения граждан эллинистическим образцам, столь необходимым для формирования римской культуры в целом.

В наследии Цицерона проявилось двойное отношение к греческой образованности, свойственное римскому миру в целом — это некое соревновательное преклонение и постоянное стремление доказать, что «мы не хуже»². Отголоски подобной двойственности еще сегодня можно заметить в трактовке классическим филологом Р. Онигой цицероновой *humanitas*³. По его мнению, *humanitas* представляет собой «более зрелый продукт» Римской цивилизации и, что особенно важно, «более антропоцентричный» концепт, нежели греческая *παιδεία*⁴. Примечательно, что Онага связывает эти

¹ Гринцер Н. П. Римский профиль греческой философии... — С. 10.

² Там же. — С. 14.

³ Подробнее см.: Oniga R. L'idea latina di HUMANITAS.

⁴ В специальной литературе и словарях *пайдейя* определяется как «универсальная образованность», «гармоничное телесное и духовное формирование человека, реализующее все его способности и возможности» (Корнетов Г.Б. Педагогика. Образование. Школа: пути обучения и воспитания ребенка. — М.: АСОУ, 2014.), «идеал нравственного, культурного и гражданского совершенства, к которому должен стремиться каждый человек» (Dizionario di filosofia (2009). URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/paideia_\(Dizionario-di-filosofia\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/paideia_(Dizionario-di-filosofia))). Характеризуя *пайдейю*, Г.Б. Корнетов приводит слова А.-И. Марру о том, что пайдейя «...становится обозначением культуры, понимаемой не в активном, подготовленном смысле образования, а в том результативном значении, которое это слово приобретает у нас сегодня: состояние полного, осуществившего все свои возможности духовного раз-

два понятия, придавая тем самым латинскому термину педагогическую окраску. И особую заслугу в педагогизации *humanitas* он видит именно в идеях Цицерона¹.

В то же время Р. Онига считает, что у Цицерона понятие *humanitas* носило национальный, точнее цивилизационный, характер, так как касалось только римских граждан² и здесь можно заметить некоторое чувство превосходства римского (не латинского) мира над остальным, свойственное не только знаменитому римскому оратору, но и многим его современникам и последователям. Уверенность Цицерона в том, что в любом вопросе римляне способны возвыситься над своими предшественниками (греками), пронизывает многие его риторические произведения³. Но это никак не умаляет его значения как распространителя греческой *paideia* в современном ему римском обществе, и одновременно проводника римской *humanitas* в христианскую и, следовательно, западную культуру.

Именно эта трансляционная, а, по сути своей, просветительская роль и была уготована Цицерону в истории, что также предопределило возможности рассмотрения его литературного наследия в педагогическом контексте. Потенциал историко-педагогического дискурса наследия римского оратора сегодня активно разрабатывается в отечественной педагогике В.К. Пичугиной⁴.

вития человека, ставшего человеком в полном смысле» (Корнетов Г.Б. Педагогика. Образование. Школа... С. 29).

Древние греки видели в пайдеей путь (а также его педагогическую организацию), который человек должен пройти, изменяя себя в стремлении к идеалу духовного и физического совершенства (*калокагатии*) посредством обретения мудрости, мужества, благоразумия, справедливости и др. (Там же). Ф. Камби определяет *пайдеейю* как своего рода *воспитательную модель*, предусматривающую образование молодых людей в рамках двух параллельных действий — воспитания физического и психического (духовного) (Cambi F. Manuale di storia della pedagogia. — Roma-Bari: Laterza, 2009. P. 26). Эта модель формирует «этос» народа как совокупность устойчивых, стабильных черт характера индивида (отсюда понятие «этика») (Ibid.).

¹ Полякова М. А. К вопросу о педагогической интерпретации концепта *humanitas* // *Alma mater* (Вестник высшей школы), 2014. — № 4. — С. 99–102.

² Там же. Существовало так называемое латинское гражданство (в противовес привилегированному римскому), распространявшееся на всех жителей Римской республики и империи, в том числе — жителей провинции. После эдикта Каракаллы 212 г. латинское гражданство фактически не имело никакого ограничивающего значения.

³ Гринцер Н. П. Римский профиль греческой философии... — С. 14.

⁴ Пичугина В. К. Историко-педагогическое изучение наследия Цицерона: возможности дискурсивной методологии // *Методология научного исследова-*

Согласно итальянской энциклопедии *Treccani*, работы Цицерона на протяжении долгого времени оставались единственным источником греческой философии¹, более того, собственно и создание христианской литературы на латинском языке можно отчасти объяснить его влиянием на христианство². Этот факт, по всей видимости, определил популярность Цицерона у гуманистов и реформаторов. Ф.Ф. Зелинский даже считает, что и Возрождение следует рассматривать, прежде всего, как «возрождение Цицерона», имея в виду, что, к примеру, Петрарка сначала испытал на себе влияние этого автора, подвигнувшего его затем на «открытие» и внедрение в интеллектуальную гуманистическую среду прочих классиков³. Примеру Петрарки следовали и другие гуманисты — Боккаччо, Леонардо Бруни, Салютати подражали римскому оратору; Лоренцо Валла пытался критиковать его⁴, тем самым иллюстрируя широкий интерес к фигуре «родоначальника гуманизма» (от *humanitas*).

Вслед за итальянскими гуманистами «очарованию Цицерона» подверглись и представители северного гуманизма. Например, «блистательный» Эразм Роттердамский (1466/69–1536) тоже видел в нем «...образец сочинителя, у которого широта философской эрудиции счастливо сочеталась с удобопонятностью и изяществом слога»⁵ и «...чей дух и разум вместили столь божественные мысли, чье перо было столь же красноречиво, сколь замечателен предмет описания»⁶. Хотя в своем знаменитом диалоге «Цицеронианец» (*Ciceronianus*, 1528) Эразм Роттердамский выступил против тех гуманистов, которых он определил как «слепых» подражателей античным образцам и «цицероновых обезьян», используя в качестве назидания пример Святого Иеронима, также сильно увлекавшегося Цицероном. По легенде святому «...предстал ангел, который спросил: «Кто ты?» — «Христианин», — ответил Иероним. И услышал: «Нет! Ты цицеронианец, а не христианин, ибо где сокровище ваше,

дования в педагогике: коллективная монография / под ред. Р. С. Бозиева, В. К. Пичугиной, В. В. Серикова. — М.: Планета, 2016. — С. 175–182.

¹ Cicerone Marco Tullio // Dizionario di filosofia (2009). URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/marco-tullio-cicerone_%28Dizionario-di-filosofia%29/.

² Зелинский Ф. Ф. Цицерон в истории европейской культуры. — С. XXXIII.

³ Там же. С. XXXVIII.

⁴ Там же.

⁵ Майоров Г. Г. Цицерон как философ // в кн.: Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты. — М.: Наука, 1985. С. 5–59. — С. 6.

⁶ Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. — М.: Издательство «Художественная литература», 1969. — С. 99.

там и сердце ваше». После этого Иероним отказался от чтения «языческой» литературы»¹.

Не вдаваясь в подробности культурологического и религиозного спора, следует отметить, что аргументация в нем строилась вокруг фигуры римского оратора, столь популярного в гуманистической среде той эпохи. Да и духовно-нравственный компонент эразмианского гуманизма весьма созвучен этике Цицерона². В опусе «Благочестивое застолье» Эразм представляет беседу-диспут друзей, собравшихся за завтраком, где говорится, в частности, следующее: «...Я признаюсь перед друзьями — не могу читать сочинений Цицерона «О старости», «О дружбе», «Об обязанностях», «Тускуланские беседы» без того, чтобы не поцеловать книгу несколько раз, чтобы не испытать благоговения перед этой святой душой, осененной выше [...] Большинство философских сочинений Марка Туллия отмечено присутствием божества»³. «Обязанности» Цицерона упоминаются в данной беседе в том числе отдельно: «... они стоят того, чтобы каждый затвердил их слово в слово, и в первую очередь, люди, которым предстоит управлять государством»⁴.

Таким образом, *De officiis* (ок. 44 г. до н. э.) Цицерона рассматривается здесь в позитивном ключе, прежде всего, для государственных мужей. Это произведение было написано в период так называемого вынужденного досуга оратора⁵, что, с одной стороны, так соответствует «ренессансному идеалу жизни», а с другой — подводит своеобразный итог и творчеству Цицерона, интуитивно чувствующего, что все его *обязанности* перед римским народом тоже закончены⁶. Трактат выделяется своей необычной формой — это не диалог, а на-

¹ Хейзинга Й. Эразм / пер. с нидерл. // в кн.: Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 203–472. — С. 467.

² О понимании Эразмом добродетели и добродетельной жизни см.: Макаров М. И. Трактовка категории «добродетельная жизнь» в западноевропейской педагогической мысли (XIII–XVII век) // Методологические ресурсы качества педагогических исследований: материалы международной сетевой научной конференции РАО «Методология научного исследования в педагогике» / под ред. В. В. Серикова и В. К. Пичугиной. — М.: Планета, 2016. — С. 77–90.

³ Роттердамский Э. Разговоры запросто. — С. 98.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Подробнее об истории написания трактата см.: Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина.

⁶ Пичугина В. К. Педагогика Цицерона: воспитание достойных (вместо предисловия) // Марк Туллий Цицерон. Антология гуманной педагогики / сост. и коммент. Я. А. Волкова, В. К. Пичугина. — М.: Неолит, 2017.– С. 13.

ставление сыну. Жанр predetermined масштабность изложенного материала: здесь собраны моральные предписания, отступления политического характера, исторические примеры, юридические казусы¹. По всей видимости, именно эта энциклопедичность, особый стиль автора, его образцовая латынь и, конечно, высокие этические принципы, изложенные в наставлении, сделали его поистине любимым сочинением Цицерона в ренессансной среде.

Показательно, что Цицерон был популярен не только у гуманистов. Его произведения входят в обязательный набор «ученых» библиотек и списков обучающей литературы XVI века. К примеру, в библиотеке ученого-грамматика («*Caelij Secundi Cvrionis schola, siue de perfecto Grammatico, libri tres*»², 1555), подробно описанной итальянским реформатором Челио Секондо Курионе (1503–1569), работы римского деятеля сосредоточены по нескольким разделам: прежде всего, среди книг по риторике («Никто никогда не вложил в искусство красноречия больше него»)³, далее — среди знатоков нравов (!)⁴ и мастеров эпистолярного жанра⁵.

Упоминается Цицерон и его трактат и в другом произведении Курионе, его катехизисе «Наставление в христианской вере» (*Vna familiare et paterna institvtione della Christiana religione*, 1549), а точнее, в письме, написанном им Фульвио Пеллегрини Морато Мантуанскому «О целомудренном и христианском воспитании детей» (*Una lettera di M. Celio Secondo C. Della Honesta e Christiana creanza de figlioli, a M. Fulvio Pellegrino Morato, Mantoano*), которое является составной частью Наставления, по всей видимости, благодаря своему сугубо педагогическому характеру⁶. Правда, здесь римский оратор представлен скорее критически: Курионе не согласен с ним в оценке физического труда, представленного в первой книге *De officiis*: «... Все ремесленники занимаются презренным трудом, в мастер-

¹ Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., «Наука», 1993. — С. 167.

² Название дано в оригинальной графике автора.

³ Чиколини, Л. С. Библиотека ученого-грамматика по Курионе // Средние века. Вып. 52 — М.: Наука, 1989. С. 219–232. — С. 224.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Там же. С. 229. Информация о библиотеке приведена в конце первой части произведения Курионе: Curione C. S. *Caelij Secundi Cvrionis schola, siue de perfecto Grammatico, libri tres*. — Basilea, 1555. P. 64–82.

⁶ D'Ascia L. *Frontiere: Erasmo da Rotterdam, Celio Secondo Curione, Giordano Bruno*. — Bologna: Pendragon, 2003. P. 149.

ской не может быть ничего благородного...»¹; он напротив считает, что «... все эти ремесла [механические] честные и достойные уважения», а также полезны для общественной жизни².

Различный подход в данном вопросе абсолютно объясним. Странно было бы ожидать от государственного мужа, великолепного оратора и философа, знающего себе цену, каковым являлся Цицерон, почитания физического труда, тем более, в I в. до н. э. Во времена Курионе все поменялось: добывать хлеб ремеслом, физическим трудом уже не считалось зазорным — это одно из достижений Реформации; однако сам гуманист-реформатор все же пошел другим путем. Важно то, что в своем нравоучительном сочинении, направленном на изложение его собственной педагогической программы, он обратился именно к трактату Цицерона «Об обязанностях». Также и в другом месте, где Курионе обосновывает непрменный долг отцов в воспитании детей, он приводит слова из этого же произведения: «... неосведомленность ранней молодости нуждается в дальновидности стариков, чтобы на ней основываться и ею руководствоваться»³.

Влияние стиля Цицерона, помещенного итальянским реформатором в число чужестранцев, которых надо приветствовать, угощать и провожать после домой⁴, тем не менее, присутствует, как в самом структурировании письма-трактата о воспитании (оно разделено автором на части, где обозначена та или иная мысль), так и в рассуждениях и форме обращения. Хоть письмо написано не сыну (возможно, потому что его дети были еще слишком малы в сравнении с сыном Цицерона), но его тон, одновременно назидательный и, в то же время, по-отечески участливый, очень напоминает эмоциональный фон трактата «Об обязанностях». Сочинение Курионе не может претендовать на охват такой широкой проблематики, как это представлено у Цицерона, но оно изначально посвящено определенной,

¹ Марк Туллий Цицерон. О старости, О дружбе. Об обязанностях / пер. В. О. Горенштейна. — М.: Наука, 1974. XLII, 150.

² Curione C.S. Vna familiare et paterna institvtione della Christiana religione. — Basilea, 1549. I.

³ Цит. по: Марк Туллий Цицерон. О старости, О дружбе. Об обязанностях. XXXIV, 122. У Курионе: Curione C.S. Vna familiare et paterna institvtione... К.

⁴ Курионе говорит о том, что, несмотря на пользу для молодежи таких авторов, как Платон, Аристотель, Исократ, Демосфен, Ксенофонт, Фукидид, Ливий, Салюстий, Цезарь и Цицерон (то есть, авторов-язычников), со «святыми авторами» (речь, прежде всего, о Св. Павле) прибываешь как с друзьями, даже как «с домашними в собственном доме». К первым же надо относиться как к чужестранцам: принять, угостить и вернуться в свое жилище (Curione C.S. Vna familiare et paterna institvtione... К).

достаточно узкой проблеме — воспитанию детей, что само по себе примечательно и показательно. Кажется не случайным, что именно здесь автор неоднократно упоминает римского оратора и конкретно это его произведение. Кроме того, как отмечалось, письмо включено в более обширный труд с общим названием «Наставление в христианской вере», где, наряду с молитвами и некоторыми авторскими стихами, представлены основы вероисповедания, причем в форме диалога отца и дочери¹.

Тем самым, Курионе, сочетая в своем образовании и, соответственно, в учении гуманизм с сильным греко-римским компонентом, и мощную христианскую праведность и строгость реформатского типа, тем не менее, не смог и, по всей видимости, не собиравшись отказаться от всего античного, прежде всего — от примера Цицерона. Показательно также словосочетание в названии письма: «целомудренное и христианское воспитание детей». То, что передано как «целомудренное» и это, на наш взгляд, оправдано в сочетании с «христианским» воспитанием, в оригинале звучит *honesta* (ж. р.; в м. р. — *honesto*²), переводимое также как ‘честный’, ‘порядочный’, ‘справедливый’. Это то самое *honestum* Цицерона, которое традиционно переводилось на русский как ‘нравственно-прекрасное’ (и этому, как известно, посвящена первая книга *De officiis*), и которое можно также трактовать как ‘честность’ и ‘высокая нравственность’. Н.П. Гринцер считает, что подобный перевод, без сомнения, идущий от греческого эквивалента (*τὸ καλόν*), в то же время не передает римской специфики, важной для Цицерона³. *Honestum* — производное от *honor*, наименования римских выборных должностей и эта его общественная характеристика опять же придает латинскому термину особый смысл, неведомый греческому оригиналу. Н.П. Гринцер предлагает переводить *honestum* как ‘достойное’⁴, что, как можно видеть, абсолютно уместно и для передачи названия произведения Курионе: «достойное [и] христианское воспитание детей».

¹ Кроме итальянского варианта существовал латинский — для сыновей, где диалог отца строится с сыном. Подробнее о мотивах создания двух вариантов произведения и их особенностях см.: Полякова М. А. Гуманистические и реформационные черты педагогического идеала Челио Секондо Курионе // Историко-педагогический журнал. 2014. № 2 — С. 149–161.

² В современном итальянском языке начальная «h» отсутствует (*onesto, onesta*). Во времена Курионе орфография и графика итальянского языка еще не сложились.

³ Гринцер Н. П. Римский профиль греческой философии... — С. 25.

⁴ Речь, правда, в данном случае идет о другом произведении Цицерона — «О пределах добра и зла» и рассуждения касаются «общественного блага».

Критическое отношение к Цицерону, присутствующее у Эразма и Курионе, придающих особое значение именно христианской добродетели, достаточно понятно и оправдано ввиду как некоторой изначальной настороженности в отношении языческих (дохристианских) авторов, так и появившейся, с их точки зрения, угрозы христианству со стороны «языческой чувственности», столь популярной в то время. Чрезмерное увлечение античностью порождало в свою очередь и своего рода рефлексию, выразившуюся в подобной критике. Примечательно, что именно Эразм и Курионе, авторы, сочетающие в своем мировоззрении сильные гуманистические и, в то же время, религиозно-обновленческие черты, столь пристально отнеслись к Цицерону, что объективно указывает на его сохраняющуюся популярность в данную эпоху.

При этом, несмотря на представленную критику, и тот, и другой следуют цицероновой традиции собственно в своих произведениях — трактатах и диалогах, адресуя их правителям, подрастающему поколению, коллегам, современникам и т. д., оттачивая свою, пусть и менее классическую (но зато более живую), латынь на образцах великого оратора. Кроме того, они помещают его сочинения (в том числе, трактат «Об обязанностях») в число книг, обязательных для изучения, для формирования праведного человека, настоящего христианина.

«Триумфальное шествие» наследия Цицерона можно отметить и в документах иного рода — в школьных программах XVI столетия, составленных уже не гуманистами, а реформаторами, которые поставили образование на службу обновленному христианству. Уже в первом школьном уставе, составленном коллегой родоначальника Реформации Мартина Лютера (1483–1546) Иоганном Агриколой (1494–1566) в 1525 году для нужд открывшейся в немецком Эйслебене латинской школы¹, упоминаются сочинения Цицерона, в частности «книга о должностях»², в качестве учебных пособий при обучении латыни в третьем (высшем) классе³. Сохраняется подобная

¹ Подробнее об истории написания немецких школьных уставов см.: Полякова М. А. Становление базовых моделей школ в Западной Европе в XVI веке. — Калуга: Издательство «Эйдос», 2016.

² Сохранено название автора (переводчика). Без сомнения, речь идет о трактате «О должностях».

³ Шмидт К. История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов / пер. с нем. Эдуарда Циммермана. Т. I-III. Т. 3.: История педагогики от Лютера до Песталоцци — М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1880. — С. 109.

программа и для учащихся третьей группы (класса) в Саксонском учебном плане (1527–1528), составленном другом и сподвижником Лютера Филиппом Меланхтоном (1497–1560)¹.

В десятилетнем курсе Страсбургской гимназии Иоганна Штурма (1507–1589) изучение сочинений Цицерона начиналось с восьмого класса, что соответствовало третьему в программах Агриколы и Меланхтона. Причем, кроме пассивного чтения текстов учащиеся обучались на примере римского классика синтаксису (с седьмого класса) и методам написания писем (пятый и шестой классы)².

Вюртембергский устав (1559), ставший образцом школьных планов южно-германских земель, вводит избранные письма Цицерона в курс обучения также с третьего класса (всего предполагалась организация шестилетнего обучения там, где это позволяли средства отдельных городов)³, продолжая данную работу в четвертом (с опорой на латинский синтаксис) и подключая к изучению речи оратора в шестом⁴.

Таким образом, можно видеть, что, несмотря на утверждение Ф.Ф. Зелинского о том, что «нет ничего общего между Цицероном и реформаторами»⁵, ближайшие друзья и соратники Лютера, составители первых школьных уставов⁶, уделяли сочинениям римского оратора особое внимание, помещая их в курсы обучения своих школ. Понятно, что их Цицерон интересовал, прежде всего, как образец классической латыни, но следует отметить, что реформаторы никогда не допускали включения в перечень книг произведений, которые вызывали хоть малейшее сомнение в их нравственном наполнении. Сам реформатор (Лютер), обосновывая наличие опре-

¹ Меланхтон Ф. О школах / пер. В. М. Володарского // Идеи эстетического воспитания: антология в двух томах, Т. 1: Античность, средние века, Возрождение. — С. 362.

² Полякова М. А. Разработка Мартином Лютером педагогической программы реформационного движения в Германии: исторические предпосылки, содержание, практическая реализация. — М.: АСОУ; Калуга: Издательство «Эйдос», 2010. — С. 136–137.

³ Hochfürstlich Württembergische große Kirchenordnung — Stuttgart, 1743 // Bayerische Staatsbibliothek / <http://www.digitale-sammlungen.de/> — F. 196.

⁴ Ibid. — F. 197.

⁵ Зелинский Ф. Ф. Цицерон в истории европейской культуры // Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В. А. Алексеева, отчасти Ф.Ф. Зелинского). — Т. 1. — Санкт-Петербург, изд. А. Я. Либерман, 1901. — С. XLIII.

⁶ Вюртембергский церковный устав, в состав которого входил школьный устав, был составлен также другом и сподвижником Лютера Иоганном Бренцем (1498–1570).

деленных книг в школьных библиотеках, говорил следующее: «... книги, которые помогают при изучении языков, т. е., произведения поэтов и ораторов. При этом не имеет значения, были ли авторы язычниками или христианами, греками или римлянами. Ведь эти книги нужны для изучения грамматики...»¹.

Как можно было видеть, его совет был учтен при составлении школьных программ уже в ближайшие годы (призыв был составлен в 1524 году), причем, ведущее место в них все же занимал трактат Цицерона *De officiis*, подтверждая тем самым свою действительно сильную этическую составляющую. Ф.Ф. Зелинский в своем очерке приводит высказывание Лютера касательно этого произведения: «Его *Officia* гораздо лучше, чем этика Аристотеля... Цицерон при всех своих заботах, которые ему причиняло управление государством, многим превзошел Аристотеля, этого бездельника и осла, у которого было достаточно денег, и приятных праздных дней...»². По всей видимости, трактат «Об обязанностях» действительно привлекал реформаторов особенностями своего стиля (наставление сыну) и ценностью моральных предписаний, изложенных в нем. Не зря С.Л. Утченко определил это сочинение Цицерона как «свод правил и норм поведения, рассчитанных на обычных честных и «порядочных» граждан»³ — в нем представлен образ идеального гражданина, с точки зрения римского оратора, а это столь соответствовало реформатскому подходу к образованию и воспитанию, целью которых было формирование идеального христианина.

Возможно, именно Цицерона можно считать родоначальником «письма к сыну» как особого жанра нравоучительной литературы педагогического толка. Как можно было видеть, подобного стиля придерживался Курионе. Эразм, не имевший собственных детей, тем не менее, написал ряд произведений — обращений к правящим особам⁴,

¹ Лютер М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // Мартин Лютер — реформатор, проповедник, педагог/ сост. Курило О. В. — М.: Издательство РОУ, 1996. — С. 114.

² Зелинский Ф. Ф. Цицерон в истории европейской культуры... — С. XLIII–XLIV.

³ Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина... — С. 167.

⁴ Собственно к педагогическим произведениям Эразма, прежде всего, следует отнести трактат «О приличии детских нравов» (*De civilitate morum puerilium*, 1530), написанный специально для одиннадцатилетнего Генриха Бургундского, сына Адольфа Бургундского (адмирала Испанских Нидерландов на службе у Габсбургов, 1517–1540).

к детям или к друзьям. Есть у него и небольшие сочинения, написанные специально для сына его издателя, маленького Эразмия Фробрера.

Еще одним интересным примером в данном ряду можно считать письмо, написанное швейцарским реформатором Ульрихом Цвингли (1484–1531)¹ своему пасынку Герольду Мейеру на двух языках — в 1523 году на латыни (*Quo pacto ingenui adolescentes formandi sint*) и в 1524 году по-немецки (*Wje man die Jugendt in guoten Sitten und christenlicher Zucht uferziehen unnd leeren sölle*²). Речь в нем идет о том, как по-христиански воспитывать юношество³.

Данное произведение на самом деле представляет собой наставление, относящееся ко всем повседневным (житейским) проблемам в воспитании молодежи (юношества), и во многом аналогично другим подобным сочинениям эпохи о воспитании детей⁴. Цвингли условно разделяет свои поучения на три части: наставления в делах, касающихся Бога; самого молодого человека и других людей⁵. Тем самым он рассматривает не только вопросы непосредственного воспитания и обучения, но и взаимодействия людей в обществе, что так традиционно для реформатских работ. Каждый раздел включает широкий набор требований и нравочений, при условии выполнения которых юноша должен стать настоящим христианином.

Несмотря на то, что у швейцарского реформатора нет прямых отсылок к Цицерону (при наличии в тексте упоминаний Сократа и Сенеки), обращает на себя внимание сама структуризация произведения, во многом сходная с трактатом «Об обязанностях». Понятно, что «верный христианин» реформатского толка никоим образом не предполагал сочинение язычника Цицерона образцом для себя и сопоставление античного *honestum* (порядочного, достойного

¹ Ульрих Цвингли начал свою ревизию церковных порядков и борьбу с индульгенциями в 1518 году, то есть, примерно в то же время, что и Лютер. Сам он получил достойное образование, изучил Священное Писание на трех «святых» языках и активно выступал за обучение детей. В Гларусе, где он с 1506 года служил приходским священником, он устроил латинскую школу и сам преподавал в ней. С развитием и распространением Реформы Цвингли принялся за обучение духовенства («Краткое христианское руководство», 1523), участвовал в обращении монастырского имущества на нужды образования и открытие новых школ. Занимая с 1518 года должность священника в Цюрихском соборе, Цвингли сам устраивал новые школы для детей, подбирал учителей и следил за ходом образования.

² Оригинальная графика.

³ Шмидт К. Указ. соч. Т. 3. — С. 76.

⁴ Хотя упомянутые сочинения Эразма и Курионе были написаны позже (1530 и 1549 годы соответственно).

⁵ Шмидт К. Указ. соч. Т. 3. — С. 77.

или целомудренного) с Богом (*Gott*) Цвингли, возможно, не совсем уместно, но важен сам подход реформатора — прежде чем объяснить молодому человеку, как надо себя вести, чему обучаться и как общаться с другими людьми, он проясняет, как и зачем (ради спасения, прежде всего) следует верить в единого Бога¹. Этот Бог олицетворяет все доброе и хорошее, нравственное и милосердное, что, без сомнения, сочетала в себе и категория *honestum* Цицерона, и, в этом смысле, параллель между произведениями весьма допустима.

По сути, во второй части письма-пособия речь идет о том, какие знания и умения должен приобрести юноша, получив наставление в христианской вере, а именно: обучиться языкам и добрым манерам, имея лучшим образцом для себя Христа, а также арифметике и фехтованию². Кроме того, в этой части сосредоточены правила поведения в повседневной жизни и советы по выбору спутницы (жены). То есть, это то, что полезно для жизни, для личности и именно так строится вторая часть произведения *De officiis (utile)*, хотя конечно Цицерон говорил несколько о иных «полезностях».

Наконец в третьей части Цвингли помещает правила публичной и общественной жизни, подчеркивая, что человек рожден не для того, чтобы жить для одного себя, а напротив, чтобы быть всем для всех людей³. Здесь речь идет о формировании в юношестве таких черт как благочестие (*frombkeyt*), справедливость (*gerechtigkeit*), истина (*warheit*), верность (*trüw*), вера (*glouben*) и стойкость (*standhaftigkeit*)⁴. Только воспитав в себе эти добродетели, человек сможет послужить на пользу государству и всему христианству. При этом автор подчеркивает, что выше всего и дороже всего после Бога дети должны чтить родителей, уступать им даже, когда они не правы⁵. Представлять эту часть произведения Цвингли как борьбу первого (веры в Бога) и второго (рекомендаций для пользы воспитуемого человека), отсылая таким образом письмо реформатора целиком к античному образцу, выглядело бы слишком притянuto и, вероятно, в корне неверно. Здесь скорее важно не противостояние духовного (или религиозного) и житейского (правила поведения

¹ Zwingli U. Wje man die Jugendt in guoten Sitten und christenlicher Zucht uferziehen unnd leeren sölle — Zürich, 1526. — Der erst tayl der leren. В этом издании 1526 года отсутствует нумерация страниц.

² Ibid. Der ander teyl der leren.

³ Ibid. Der drritt teyl der leeren.

⁴ Все немецкоязычные слова даны в оригинальной орфографии и графике, без заглавных букв, свойственных современному немецкому языку.

⁵ Шмидт К. Указ. соч. Т. 3. — С. 79.

в обществе и собственная внутренняя культура), а их необходимое и неизбежное сочетание, которое должно привести молодого человека к становлению действительно достойного (*honestum*) члена христианского общества.

В этом смысле Цвингли, как это ни парадоксально, выразил в своем наставлении юношеству принцип античной *заботы о себе*, сочетающей именно эти компоненты: познание себя (через уверование в Бога в контексте реформатского христианства), совершенствование себя (физическое, интеллектуальное и моральное) и обращение к другим людям (обществу). Сформулировав правила поведения юношеству с целью воспитать из их добрых христиан, он, по сути, интуитивно переложил на христианско-религиозный язык те принципы добропорядочной достойной жизни, которые содержатся в трактате «Об обязанностях» Цицерона, призванного, в частности, воспитать «порядочных граждан». И в обоих случаях послания сделаны в форме писем самым близким — детям (взрослому сыну или пасынку, не важно), будущим гражданам, христианам, членам общества.

Подобное совпадение не случайно, оно отражает тот факт, что основные парадигмы и модели образовательных схем и систем сложились в глубокой древности, развивались и получили свое осмысленное оформление в античную эпоху, в частности, в трудах Цицерона, человека все же по своим общественным функциям далекого от педагогики. Далее, на протяжении веков, эти модели дополнялись, перестраивались под те или иные нужды, но в рамках западной цивилизации, трансформация шла под четким влиянием и патронатом христианского мировоззрения. В эпоху Ренессанса и Реформации, когда проблемы воспитания выходят на первый план, именно базовые признаки педагогических систем, сформировавшихся в античный период, дают о себе знать в таких разных, на первый взгляд, направлениях общественной мысли.

Таким образом, вопрос о рецепции *De officiis* в произведениях ренессансной и реформаторской эпохи, без сомнения, выглядит спорным и, возможно, несколько умозрительным. Однако явные параллели, присутствующие в представленных здесь сочинениях (в основном, письмах-наставлениях) с трактатом Цицерона, а также присутствующие в школьных программах XVI века ссылки на него, позволяют судить не только об интересе к фигуре римского оратора как, в том числе, наставника молодого поколения, но и о эвристическом потенциале подобной интерпретации его наследия.